

18+

Самсошко Сергей

ИНВЕРСИЯ

Научная фантастика

Сергей Самсошко

Инверсия. Научная фантастика

«Издательские решения»

Самсошко С.

Инверсия. Научная фантастика / С. Самсошко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746901-6

Порой природа преподносит нам сюрпризы в виде стихийных бедствий; уносит миллионы жизней; причиняет массу страданий. Как предупредить, а ещё лучше — избежать подобных явлений?.. Рассказ «Инверсия» поведает вам о том, как преодолевать большие проблемы с помощью научных технологий и храбрости людей.

ISBN 978-5-44-746901-6

© Самсошко С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Инверсия Научная фантастика

Сергей Самсошко

Редактор Елизавета Ульянова

Корректор Екатерина Шинкаренко

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Сергей Самсошко, 2024

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4474-6901-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Всеобщее волнение.

Надвигается серьёзная катастрофа – смена полюсов Земли. Магнитное поле ослабевает. Уровень радиации возрастает. Обычное дело в масштабах природы: всего на каких-то десять тысяч лет защита планеты сдастся; но человечеству это грозит гибелью.

– Где наши экологи, чёрт возьми?! Вот бы с ними сейчас побеседовать! – возмущается Аркадий Семёнович, глядя на моргающую в люстре лампочку.

– Венера, – продолжает докладывать Николай Иванович, – имеет в наличии некоторую форму жизни. Вот мы видим на снимках, кстати, сделанных ещё сорок лет назад советскими учёными, организовавшими экспедицию на Венеру, гриб восьми сантиметров в диаметре. Жук – вы видите? – ползёт. Между прочим, жука мы обнаружили сразу в нескольких местах.

– Довольно! – перебивает Владимир Игнатьевич повествование о Венере. – Это обыкновенная фантазия, Николай Иванович! Коллеги, кто его вообще пригласил на собрание в такой ответственный час?! Белковая форма жизни на Венере невозможна! Это каждый школьник знает. Там слишком высокая температура.

– Но клубеньковые бактерии... – держится Николай Иванович.

– Вот пусть клубеньковые бактерии и летят на Венеру, если есть у них такая необходимость! А мы должны найти место с возможностью существования жизни для человека, желательно без динозавров и гигантских мух.

– Ближайшие предположительно жизнеспособные для нас планеты находятся на расстоянии ста пятидесяти световых лет. В этом случае легче переждать здесь, нежели куда-то лететь, – рассуждает Аркадий Семёнович.

– А может, построить гробницу для всего человечества? Забальзамируем по древним египетским методикам на ближайшие десять тысяч лет, там и перезимуем.

– Всё шутите, Константин Егорович? – укоряет Елена Сергеевна. – Вам вот-вот одиннадцатый десяток пойдёт: только и хлопоты о забвении. А у нас на кону жизни не сотен, не тысяч – миллиардов человек! Как вам такая проблемка? Успеете забальзамировать столько народу? И через сто веков разбальзамировать, вы же у нас долгожитель?

– Знаете, Елена Сергеевна, – изрекает Константин Егорович, немного приосанившись, – дать бы вам ремня за эти слова и за то, что пошли по пути научной инженерии, не вышли вовремя замуж, не нарожали должного количества детишек. Женщина должна следовать за мыслью мужчины, а не перечить! Я говорю: можно построить вместительный лайнер на базе МКС; набрать запасы провизии; посадить туда часть людей (кого-то придётся оставить) и отправиться на поиски экзопланет, пригодных для жизни человека. Среди уже знакомых нам объектов хоть один да найдётся пригодный для жизни вполне обоснованно. Путешествие, конечно, рискованное, а что? У вас есть варианты? Можете назвать миссию «Ноев ковчег» – так, ради забавы.

Глава 1

1

Несмотря на всё безумство этой идеи, совершались слабые попытки её осуществления. Собрали бригады учёных по всему миру. В конструкторских бюро начали вести разработки: чертить, собирать модули, готовить к запуску. Укомплектовывали экипаж.

Константин Егорович сидит напротив окна в своём кабинете, мечтательно глядя в небо, играя подушечками пальцев и размышляя о предстоящем полёте.

– Где бы найти способного пилота для такой серьёзной задачи? Здесь нужен мастер, а не просто водила. Такой, чтоб вёл куда надо. А?.. Что скажете, Николай Иванович?

– Так ведь хлопцев прорва, Константин Егорович. Пилоты так и рвутся в бой, только кликни.

– В том-то и проблема, уважаемый коллега: тот, кто рвётся в бой, непригоден для такой миссии. Здесь нужен чуткий профи, чувствующий опасность, находящий выход в безвыходной ситуации, способный предвидеть ход событий. Здесь нужен гений, понимаете?

Константин Егорович встаёт. Набрасывает куртку. Спешно выходит из кабинета. В коридоре встречает Елену Сергеевну с пачкой каких-то бумаг: она что-то хочет спросить, но утихает, когда Константин Егорович плавно прикладывает указательный палец к её губам. Нырнет влево, начинает быстро спускаться по лестнице, ускоряя движение; буквально вылетая в холл, резво устремляется к выходу; ожидающие репортёры вскакивают с диванов, шумно сбегаются к центру зала, беспорядочно выкрикивают различные вопросы, но Константин Егорович скрывается, захлопнув за собой дверь, и садится в служебный автомобиль.

Приехав в дачный посёлок, Константин Егорович просит водителя остановиться и заглушить мотор. Выходит из машины, тихим шагом идёт вдоль поросших бурьяном дач.

Выискав нужную, он хочет бесшумно открыть калитку, но задумывается, идёт дальше. Обходит участок. Отыскивает лазейку в заборе. Пролазит. Нашупывает дверцу подвала. Спускается. Поднимается в дом по подвальной лестнице, сосредоточенно прислушиваясь: тишина.

Проходит в комнатку. Обращает внимание на множество разбросанных рисунков: лошади, деревья, небеса. Берёт рисунок в руки, разглядывает: «Поразительно точно передаёт».

Подняв голову, он видит через распахнутое окно пробирающуюся в дебрях мужскую фигуру с буйной шевелюрой.

– Романенко, стой! – выкрикивает Константин Егорович. – Мне не угнаться за тобой, стар уже.

Но тот даже не оборачивается и уходит.

Константин Егорович решил просто подождать, пока Романенко вернётся.

К полуночи так и произошло: слышится шорох; на кухне стоит Романенко, держа в майке ягоды, орехи и дикие яблочки. Выкладывает их на стол с голодным энтузиазмом, будто сейчас начнёт вкушать пищу богов.

– Красивые рисунки. Жаль, никто не увидит, – произносит Константин Егорович.

– Ну и что?

– Инверсия, ты же знаешь.

– Цепляетесь за жизнь?

– Люди слабы и беспомощны, Романенко. Нужен человек, который их выведет.

– Хорошо. Я попробую что-нибудь придумать, – наивно обманывает Романенко.

– Придумывать уже ничего не надо, нужен пилот на дальние расстояния. На мой взгляд, ты единственный, кто сможет справиться с подобной задачей. Зайди ко мне в лабораторию

завтра, часам к десяти, если сможешь, обрисую ситуацию в подробностях. Да, и я оставил в серванте немного денег.

– Не нуждаюсь. Спасибо.

– Что ж, тогда пусть просто лежат, может, потом понадобятся.

2

Круглосуточный ларёк. Романенко стоит, облокотившись о стойку, ожидая очереди. Деньги, оставленные Егорычем, возбудили бессонницу.

Дождавшись очереди, берёт бутылку водки, палку колбасы, солёные огурцы, лимон и минералку.

Придя домой, он убирает всё лишнее со стола; расстилает газетку; ставит бутылку; достаёт из серванта рюмку; вытирает в ней пыль, просунув палец через изнанку майки; нарезает колбаску, лимон; тычет маленький огурчик двухпалой вилкой; наливает рюмашку, взяв в другую руку; торжественно произносит: «Тост!..» – и выпивает.

Хрустя солёными огурцами, достаёт тетрадь, ручку; садится за стол и начинает выводить заголовок:

Борьба с самим собой.

Дальше следует мысль:

Нет хуже пристрастия, чем алкоголь, и я тому яркий свидетель.

«Нет. Слишком самокритично и откровенно, никто не поверит», – комкает бумагу Романенко.

Я бы бросил в любую минуту, если б мог. Но пока я не знаю как.

«Хрень какая-то получается».

Меня все называют бабником, но ни одной женщине я не причинил столько счастья, сколько Любе, когда извинялся, что спал в обуви на белых простынях.

«Нет, не пойдёт. О чём вообще пишут люди? – спрашивает себя Романенко. – Наверное, о том, что видели, слышали, – словом, ощущали. О себе, наверное, тоже пишут».

Он решается на новый заголовок:

История одного человека.

Дальше другая мысль:

Когда-то я был молод и здоров. Хорошо окончил художественную школу. Тогда я ещё не знал о вине и женщинах, пока не поступил в летное военное училище.

Он отвлекается, наливает ещё рюмку, выпивает, закусывает и продолжает:

У меня была жена. Но она ушла, не оставив дома даже чайной ложки.

«Фигня какая-то! – психует Романенко, наливая следующую. – Да и кому я нужен со своим болячками?»

Опрокинув рюмку, вырывает листки из тетради, комкает и выкидывает, затем начинает писать с чистого листа:

Антология житейской глупости.

И новые мысли:

И в горе, и в радости избегай стакана и лёгкого поведения женщины.

Не разговаривай с соседом до летнего солнцестояния.

Чурайся чужих денег, ибо добра от них не същешь.

Чтобы разбить камни в почках, возьми кору орешника.

Держа в руке последнюю стопку и глядя на Луну безумно сверкающим взглядом, Романенко ревет, едва связывая слова: «Да храни вас Господь, хлореллы! Ибо вы даёте космонавтам воду и кислород, а также широко используетесь при очистке сточных вод и в производстве комбикорма для домашнего скота...»

3

Наутро Романенко стоит у ворот корпорации «Энергия», разглядывая молодой росток на ёлочке.

– Пойдём-ка со мной, братец! – зовет Константин Егорович.

Они поднимаются по лестнице, заходят в конференц-зал, где готовится собрание. Все расселись. Николай Иванович раскладывает бумаги на столе; взяв одну из них, начинает докладывать: «Планируется подготовка к запуску модуля „Туман“».

– В общем, суть проекта такова, – шепчет Константин Егорович, чуть наклонившись в сторону Романенко. – Мы построили тяжёлый межпланетный крейсер. Ну, может, помнишь марсианский проект пятьдесят девятого года. Так вот, мы его усовершенствовали, собрали; оказалось, количество пассажиров строго ограничено: решили построить космический флот в составе семи кораблей. Главный корабль поведёшь ты, остальные последуют за тобой.

– Поведу куда? – вникает Романенко.

– А вот этого, братец, мы и сами не знаем! Наши астрофизики научились распознавать потенциально жизнеспособные планеты; вероятность их исследований не более тринадцати процентов. Выяснилось: ближайшие пригодные для нас находятся в пределах ста пятидесяти световых лет. Далековато, конечно. Но... Проблема именно в том и заключается: как быстро преодолеть такое расстояние? Одна надежда на тебя, Романенко: ты спец по таким делам. Для экономии топлива взяли на вооружение солнечный парус: кто знает, может, за пределами нашей Солнечной системы и ветра посильней? Но и это ещё не всё. Чёрные дыры – вот проблема. Чёрт знает, что за штуки. Засасывают в себя всё подряд, нужно будет обходить.

4

«Ненавижу космос! С первого дня ничего, кроме тошноты и усталости. Человек рождён бродить по Земле. Скитаться. Ну, иногда пить виски и заниматься любовью. Возможно, петь песни о... о чём? О женщинах, о несбывшихся мечтах, о сбывшемся ревматизме, может быть, просто: «О-о-о-о!» О чём поют птички? «Фьюти-фьют! Ваш скудный человеческий разум...» – поют они. Птички подарили нам музыку, а мы не смогли понять, в чём её смысл. Здесь, в космосе, одиноко. Повсюду мрак. Космос – это смерть. Мы смотрим на Землю, любимся ею, друг на друга смотрим, как дикие звери, больше некуда. Да и страшно: вокруг нет жизни, нет горизонта, нет ничего, кроме материи и света... и только она, Земля, впечатляет взор. Притягивает своей жизненностью. Птички... Люблю женщин с низким голосом: в них есть что-то мудрое. Блаженных люблю, глупеньких, как дети: постоянно что-то спрашивают. Что бы мы делали без женщин? Наверное, не открыли бы диалектику. На женщину можно только смотреть, с ней невозможно долго разговаривать – сплошные противоречия. Но как они любят жизнь, как о ней заботятся. Кто я, чёрт возьми?! Почему моя голова наполнена этими мыслями?! Куда их можно приспособить? А как жили предки? Как они справлялись со всей этой путаницей? Ничего, кроме бессонницы, нервных спазмов... что-то страшное и необъяснимое, что-то прёт постоянно... вы говорите, игра? Я вам отвечу: нет худа без добра! Потираю пальцами ладонь, глядя в линию жизни. Ах, игра. Чья? Сегодня, завтра и вчера... сегодня, завтра и вчера. Цикличность – вот и вся игра! Съел редиску – тошнота. Ложка соды – всё, прошла!

После полуночи уснуть не получается: скрип в ушах, сердцебиение, едва ли думаешь, сознание живо... чувствуешь круговращенья, кровь стучит, мощный электрический импульс взлетает вдоль позвоночника, рассеиваясь в мозге, горечь во рту, оцепенение в мускулах, встал... нащупал стены... включил свет... походил... люблю гравитацию – она опора жизни... чувствуется сильная эрекция... к трём часам засыпаешь с молитвой – завтра будет новый день. Игра – это бюрократическая колесница. Игра – это политика. Игра – это цацки! Жизнь на это

не похожа. Игрой руководят правила. Жизнью – законы. Мы боимся болезней, думая: они нас могут убить! А умирать безболезненно легче? Боль – признак жизни. Весь жизненный путь человека вымощен страданиями. Человек ищет страдания во всём, он не может долго пребывать в спокойствии. Открыть шлем, замёрзнуть в одно мгновение: я в сантиметре от смерти! Вон, мрак! Вперёд смотри – хоть вверх, хоть вниз.

Рай на Земле: прикоснуться к женщине, ощутить её тёплое дыхание, услышать пение птиц, съесть котлетку, походить, подумать, выпить водки, в конце концов. Чувствуешь?! Эту жажду понять надо: цену каждой минуты. Мудрецы сидят; как птички, щебечут. Мы оканчиваем институты, чтобы разгадать их щебетанье. Какая теснота в этом скафандре. Хочется поскорее снять, дышать трудно».

– Хьюстон, приём. Стыковка завершена. Как поняли?

– Принято. Благодарим за успешную работу. Как ваше самочувствие, Романенко? Врачи беспокоятся. Говорят, у вас болезненный вид последнее время.

– Субъективно, Хьюстон. Врачам здесь просто скучно.

5

– Ну что, Константин Егорович, вы довольны работой? – спрашивает Елена Сергеевна

– Я всегда доволен работой.

Константин Егорович включает громкую связь и объявляет:

«Уважаемые пассажиры, вы находитесь на борту тяжёлого межпланетного корабля ТМК-6. Продолжительность полёта пока ещё неизвестна; мы ищем пригодную для жизни планету. В связи с этим убедительно просим вас заняться любой творческой или хозяйственной работой во избежание конфликтных ситуаций, провоцируемых скукой. Ваши каюты оснащены приборами, позволяющими связываться с экипажем корабля по любым интересующим вопросам».

Женский сонный голос: «А почему мы ходим по полу? Мы в космосе, следовательно, должны находиться в состоянии невесомости?»

Константин Егорович: «Хороший вопрос: на борту корабля работает установка, создающая искусственное гравитационное поле. Во-первых, она нужна, чтобы вы не разучились ходить на собственных ногах; во-вторых, не будь этой установки, вы бы загадили весь корабль тошнотиками; в-третьих, вы ходите по палубе».

Мужской энергичный голос: «Что, если мы не найдём пригодную для жизни планету?»

Константин Егорович: «Не знаю. Вероятно, погибнем».

Женский язвительный голос: «А не сойдём ли мы с ума ещё до того, как долетим до предполагаемой планеты?»

Константин Егорович: «Возможно. Поэтому-то я и порекомендовал вам заняться творчеством: это отвлекает от мрачных мыслей. Также на борту работает библиотека, регулярно транслируются семинары по психологии. Кому интересно, можете послушать».

Мужской язвительный голос: «А кто вы такой, чтобы вас слушать?»

Константин Егорович: «Хм. Человек прямоходящий. Имеющий в наличии некоторое количество знаний и навыков. Чувствующий. Думающий. Делающий».

Ещё одна язва: «А как же ИИ? Мы думали, что кораблём управляет искусственный интеллект».

Константин Егорович: «Кораблём управляет старший пилот Романенко. Искусственный интеллект – это бред собачий. Есть только механика и ядерная энергетика. Но в том и в другом случае управлять способен только человеческий разум».

Напуганный женский голос: «У нас тут наркоман корчится в ломках: что делать?»

Константин Егорович: «Вызвать медслужбу».

Дрожащий мужской голос: «Да, а мне кто-то пистолетом угрожает...»

6

В одной из кают действительно завёлся террорист. Он держит восьмилетнюю девочку, тыча пистолетом ей в спину, а рядом мужчина корчится в судорогах: видимо, брат террориста. Константин Егорович спускается по трапу, входит в каюту, где всё происходит.

– Пусть из медблока принесут морфий, сделают укол брату, – беспощадно цедит террорист, диковато глядя на Константина Егоровича.

– Давай мы сделаем ему интоксикацию в том же медблоке, гораздо легче станет без морфия.

– Делай, как говорю, а то застрелю девочку!

– Что ж, если на то воля Аллаха, значит, ей не повезло сегодня. Стреляй. Морфий мы держим исключительно для медицинских целей.

Мать девочки вопит от ужаса, хочет броситься на террориста, но её сдерживают бортиженеры, вколов успокоительное в шею: она оседает на палубу.

Террорист, отпустив девочку, наводит пистолет на Константина Егоровича.

– Тогда я убью тебя!

Увидев краем глаза, как мелькнула дрожь в коленях террориста, он отвечает:

– Выходит, ты действительно трус, если собираешься убить безоружного старика. А дальше что будешь делать? На всех у тебя патронов не хватит, здесь по меньшей мере три миллиарда человек.

Террорист дрожит. Глаза краснеют от напряжения. Выстреливает в Константина Егоровича, зажмурившись. Но пуля проходит мимо, чуть задев рукав рабочего платья; прилипает к железной переборке, как и пистолет, едва не оторвав руку бандиту. Оказывается, бортиженеры прикатали огромный неодимовый магнит в соседнюю каюту и включили в момент выстрела.

Террорист падает на колени, зарывав. Протягивает руки вперёд, как бы говоря: «Винovat. Карайте меня». Константин Егорович разводит руками, отвечая с мимолётной улыбкой на устах:

– У нас нет для тебя наручников, не держим. Если хочешь очистить душу, зайди в мечеть, где-то в надстройках находится.

Террорист встаёт с колен. Склонив голову, устало бредёт мимо Константина Егоровича, мимо изумлённой толпы. Его тело нервно ёжится, кажется, он чувствует кожей презрительные

взгляды. Хотя по большей части это жалеющие взгляды, поскольку ничего, кроме жалости, террорист уже не вызывает.

Он доходит до своей каюты. Садится на стул. Достает из шкафчика верёвку и мыло. Отмеряет нужный отрезок. Тщательно намыливает. Вяжет петлю-удавку. Привязывает другой конец к ручке двери, опрокинув верёвку на противоположную сторону. Встаёт спиной к двери, накидывает петлю на шею. Делает глубокий вдох, решив поднять ноги, но в этот момент его посещает мысль: «Что ж получается: я жил, как трус, и умру, как трус? Тоже мне событие! О, великий Аллах! За что ты караешь меня так жестоко? Я был верен тебе всей душой, всем сердцем! Свято чтил законы Корана, выучив его наизусть! Почему я теперь ухожу с позором? А? Что ты молчишь? Ответь!...»

Он с минуту стоит молча, закрыв глаза, сложив руки на груди. Затем резко поджимает ноги, петля затягивается, террорист начинает дёргаться в конвульсиях. Он чувствует сжатие удавки, опасаясь расслабить мышцы шеи; сознание постепенно уплывает.

Вдруг встаёт на ноги. Распускает удавку, высвобождаясь из петли и восклицая: «Ах, глупец! Какой же я глупец! Аллах велик! Действительно велик! Он увёл пулю от старика. Вырвал из рук моих пистолет. Он показал мне порочную сторону жизни, а мне лишь оставалось сделать выбор. Стыд толкнул меня на смерть, но не Аллах! Проклятая гордость. А как жили пророки? Ведь к ним не сразу пришли откровения».

Достает лист бумаги, ручку, начинает что-то записывать на арабском. Пот проступает на висках, рука дрожит, он делает усилие и пишет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.